

OLEINIK Svetlana Anatol'evna, Applicant at the Chair of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015)

FEATURES OF THE STATE POLICY OF INTEGRATION OF IMMIGRANTS IN THE BORDER REGIONS

Abstract. The article discusses various features of the implementation of state migration policy in relation to migrants in border regions. The paper notes that the effective implementation of the integration policy is only possible taking into account the migration potential of each individual region and especially emphasizes the need for a policy aimed at integrating migrants into the host community. The author concludes that one of the key tasks of state policy in this area should be the organization of regular monitoring of the migration environment of borderlands based on 3 groups of indicators: socio-psychological, ethnocultural and socio-economic ones.

The mechanism for conducting sociological monitoring of the regional migration environment should include equipment and technologies, measurement methods, including statistical and sociological ones, as well as tools and instruments for measuring and analyzing quality. The author proposes to create a unified management system in the border regions, in the work of which all state and public entities carrying out activities in the field of integration of migrants should be involved.

Keywords: migration processes, integration of migrants, border regions

ПАРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49, r.parma@mail.ru)
КОЗЛОВ Никита Александрович — студент 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49, kozlov_n_54@mail.ru)

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ВОЗДЕЙСТВИЯ КРЕДИТНОЙ НАГРУЗКИ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние кредитных обязательств граждан на их когнитивные установки и политическое поведение. На основании статистики Центрального банка РФ определяется циклический характер развития рынка розничного кредитования, обуславливающий периодическое возрастание рисков дестабилизации политической ситуации. Посредством анализа результатов научных исследований авторы показывают, как трудности с погашением кредитной задолженности могут провоцировать состояние стресса, эмоции тревоги и гнева, формировать пессимистические установки в отношении будущего, вызывать политические проявления недовольства и протеста. В статье определяются основные переменные динамической модели взаимосвязи кредитной нагрузки и политического поведения граждан.

Ключевые слова: кредитная нагрузка, закредитованность граждан, финансовые заемщики, политическое поведение, когнитивные установки, эмоции индивидов, протестные настроения.

Рассмотрение кредитной динамики остается прерогативой экономических исследований. Однако институт кредитования граждан содержит в себе неотъемлемый политический компонент. Кредитное бремя ставит наиболее

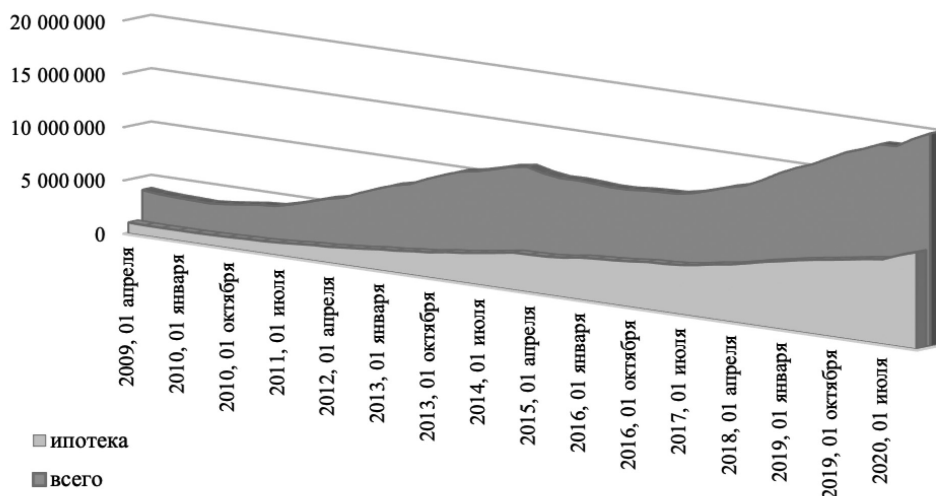
уязвимые группы населения в неблагоприятное социальное положение, а в случае падения доходов заемщиков грозит социальным недовольством, способным перерасти в политические требования и действия. Нынешнее состояние российского кредитного рынка свидетельствует о наличии объективной ситуации для обострения политических рисков [Козлов 2020].

Динамика роста кредитного бремени. Рынок розничного кредитования, как и экономика в целом, развивается циклично. При этом макроэкономические и кредитные циклы тесно взаимосвязаны [Mian, Sufi 2018; Ниворожкина и др. 2017], что отчетливо проявляется в динамике суммарной кредитной задолженности россиян перед кредитными организациями за последние 10 лет (см. рис. 1). После стремительного наращивания банками своих розничных кредитных портфелей вырастают риски «перегрева» рынка, когда кредиторы встречают волну массовых неплатежей и остановку кредитования вследствие снижения собственных резервов ликвидности и шока денежного спроса со стороны заемщиков. С одной стороны, это угрожает стабильности банковской системы и экономики страны, а с другой – означает снижение платежеспособности и ухудшение материального положения большого числа заемщиков [Баринов 2018: 1273]. Последнее весьма актуально для России, поскольку кредиты большинства населения являются скорее вынужденными и служат способом покрытия дефицита текущих доходов граждан. В 2018 г. 75,5% россиян, имевших непогашенные кредиты перед банками, обслуживали свои различные (не)институциональные займы при отсутствии всяких сбережений. Причем данная модель поведения (условно – «долги без сбережений») используется не только в низкодоходной стране (~35% граждан, которым свойственна эта модель), но и гражданами со средними доходами (~60%) [Тихонов 2019: 157–158].

Резкий спад розничного кредитования наблюдался после кризиса 2008–2009 гг., потом после рекордных на тот момент уровней кредитного долга россиян в 2015 г. В 2017–2019 гг. рост кредитной задолженности продолжился. По данным Банка России, в 2020 г. общий долг домохозяйств по розничным кредитам вырос с 17,6 трлн руб. до рекордных 19,9 трлн руб. Долг по наиболее рискованным неипотечным (необеспеченным) займам в то же время составил 54,4% общей задолженности россиян перед банками. В условиях отрицательного роста реальных располагаемых доходов россиян (–4,5% за 2020 г. по сравнению с 2019 г.) усилился риск приближающегося «перегрева» кредитного рынка.

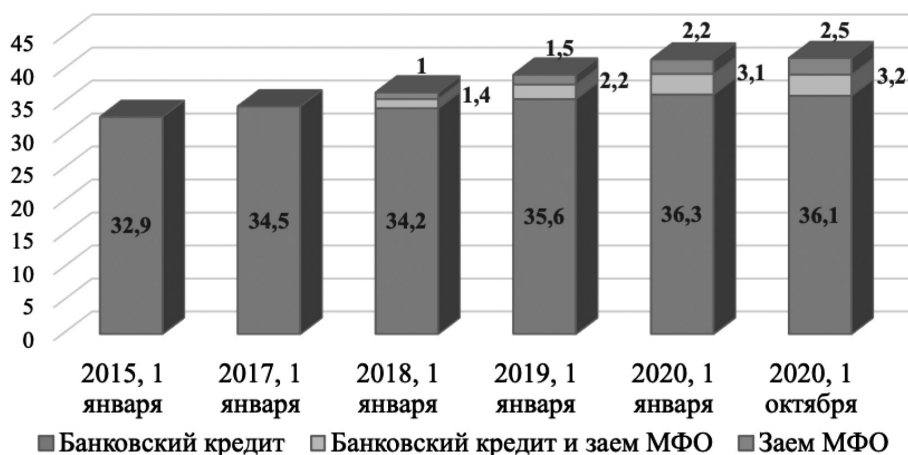
В связи с проблемой роста задолженности заемщиков перед финансовыми организациями часто говорят о высоком уровне «закредитованности» граждан. По информации ЦБ РФ, собранной на основе данных кредитных историй, в конце 2020 г. насчитывалось 41,8 млн заемщиков – физических лиц, среди которых 36,1 млн граждан платили по кредитам банкам, 2,5 млн выплачивали микрозаймы в МФО, а 3,2 млн имели обязательства и перед банками, и перед МФО. Число россиян с кредитами постоянно растет: даже когда происходило снижение именно банковских заемщиков, рост имел место за счет должников перед МФО, данные по которым ЦБ впервые представил с 2018 г. (см. рис. 2). Исходя из расчета числа заемщиков банковских кредитов и суммы задолженности на конец 2020 г., в среднем на одного заемщика приходится долг в размере 488,5 тыс. рублей. По данным ЦБ, на тот же момент у одного банковского заемщика в среднем было по 1,9 кредитов, у заемщиков МФО – 2,95 кредитов и займов.

ЦБ РФ ведет мониторинг рынка кредитования и микрофинансирования не только для определения устойчивости сектора, но и для выявления экономи-

Источник: составлено по данным Банка России. Доступ: <http://cbr.ru/>

Рисунок 1. Кредитная задолженность россиян перед банками в 2009–2020 гг., млн руб.

Примечание. Данные за 2016 г. не представлены. В 2015–2017 гг. данные по МФО отсутствуют, поэтому представлено число заемщиков, имеющих хотя бы один любой кредит в банке.

Источник: составлено по данным Банка России. Доступ: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31945/review_03022021.pdf (проверено 12.05.2021).

Рисунок 2. Численность кредитных заемщиков в России в 2015–2020 гг., млн чел.

ческой состоятельности домохозяйств. В связи с ухудшением состояния домохозяйств исследователи подтверждают возрастающий потенциал выражения социального недовольства и протестных настроений в отношении государства [Witte, Burger, Ianchovichina 2020]. В России в 2020 г. такая ситуация нашла отражение в оценке гражданами мер поддержки государства как крайне недо-

статочных, в результате чего порядка 20–25% из них вынуждены были прибегать к частным и институциональным заимствованиям (около половины – по причине нехватки доходов). Большая часть россиян (46–47%) и вовсе встретили пандемию, будучи обремененными кредитными платежами. Так, часть населения ощутила себя брошенными государством перед лицом безработицы, кредитных проблем и падения доходов [Социология пандемии... 2021: 105–137].

Политические эффекты кредитного бремени. В исследованиях влияния кредитных обязательств на политические настроения и поведение граждан выделяются два отличных, но взаимодополняющих друг друга подхода: индивидуалистический и социальный. Первый рассматривает проблему на индивидуально-психологическом уровне, ставя целью понять, как кредитные долги воздействуют на эмоциональное состояние человека, какие стратегии экономического поведения выбирает заемщик и что из этого может оказывать принципиальное влияние на политическое поведение. Второй подход рассматривает проблему на социальном уровне, делая упор не на причинах кредитных проблем, а на следствиях, среди которых центральным обычно является увеличение социальной напряженности среди населения, способной проявиться в разных формах политической активности. Отдельное внимание здесь уделяется формированию сообществ и протестных движений заемщиков и их коллективным действиям.

Психологическое состояние граждан, имеющих кредитные обязательства, зависит от оценки финансового бремени как фактора риска или как возможности развития, что напрямую связано с материальным положением заемщика и его способностью погасить долг. У заемщиков с высоким уровнем кредитной нагрузки и средними доходами отмечается наиболее высокий уровень тревожности и депрессии, поскольку, с одной стороны, этим людям необходимо поддерживать уровень жизни среднего класса, а с другой – доступность кредитных продуктов у них выше, чем у людей с низкими доходами, которые реже идут на риск займов под высокие проценты. Для последних фактором роста беспокойства становится само удержание долга кредитором, а не уровень нагрузки, который в среднем оказывается ниже, чем у заемщиков со средними доходами. Наименьшее негативное влияние кредитного бремени на психологическое состояние граждан заметно у высокообеспеченной части населения, у которой даже высокий уровень долга не приводит к серьезным формам депрессии ввиду возможности погасить долг. Вместе с тем рост тревожности ощутили все слои населения с разными уровнями задолженности во время кризиса 2008 г. Эмпирическая проверка этих положений среди американской молодежи доказывает их обоснованность [Hodson, Dwyer, Neilson 2014]. Отдельные исследования в разной степени подтверждают связь между долговыми обязательствами и ростом депрессии [Bridges, Disney 2010] и чувства стыда [Starrin, Åslund, Nilsson 2009], особо негативное воздействие краткосрочных кредитных займов «до зарплаты» на психоэмоциональное состояние [Sweet, Kuzawa, McDade 2018], вероятность роста суицидальных настроений в ситуации кредитно-долгового бремени [Голиков, Голиков, Юманова 2016; Meltzer 2011].

Психологическое состояние общества является ключевым фактором в прогнозировании коллективных действий, включая движения протеста. Центральное место занимают групповые эмоции, которые принимаются членами сообщества как свои. Общие эмоции формируются под влиянием активных представителей группы [van Stekelenburg, Klandermans 2017]. Для групп кредитных заемщиков такими эмоциями могут быть беспокойство, страх и гнев. Если ощущение опасности (тревога и страх) обычно «закрывает» инди-

вида от внешнего мира угроз, то гнев, наоборот, направляется вовне и усиливается против акторов, принимаемых за источники фрустрации (в нашем случае – против кредиторов, государства) [Huddy, Feldman, Cassese 2007: 205-206]. Если тревога становится следствием неуверенности в возможности погасить кредит, то гнев – защитной реакцией на ощущение несправедливости, моральной незаконности данной ситуации. Именно такое чувство несправедливости в отношении экономической системы России прослеживается сегодня в оценке россиянами института кредитования [Novikov, Kozlov 2020: 23]. Стремление принять участие в протестном движении заемщиков может мотивироваться желанием выразить свое отношение к ситуации (выплеснуть эмоции) наравне с двумя другими мотивами – желанием добиться изменений и продемонстрировать свою принадлежность к протестующей группе [van Stekelenburg, Klandermans 2017].

Политические последствия переживания негативных эмоций обусловлены психологическим состоянием индивидов, которые обладают высокой тревожностью, доверчивостью и рискованностью. Граждане, попавшие под давление финансовых рисков, более расположены к социальному протесту, что используется деструктивными политическими силами с целью дестабилизации общественной обстановки в стране [Разов, Штепа 2019]. Гнев затмевает рациональную оценку рисков, побуждает к скорейшему действию против группы «чужих», в т.ч. и в политическом поле [Huddy, Feldman, Cassese 2007: 204-208]. Однако и эта эмоция может выполнять разные функции, и ее можно разложить по спектру в зависимости от рациональности и созидательности [Wahl-Jorgensen 2018]. Другие исследования выделяют некоторые иные аспекты роли эмоций в политическом поведении. Например, избиратели, испытывающие более высокие уровни тревожности, склонны меньше полагаться на ранее сформировавшиеся установки по голосованию на выборах [Brader 2005], в то же время гнев, в отличие от тревоги, в значительной степени способствует мобилизации избирателя на выборах [Valentino et al. 2011]. Весомую роль последнему отводят и в росте массовых движений протеста [van Zomeren et al. 2004; Pickard, Bessant 2018].

Стратегии кредитного и политического поведения. Особую важность для исследования политического поведения граждан в условиях давления кредитных обязательств представляют научные работы в области стратегий кредитно-долгового и других типов финансового поведения. Такие исследования способствуют пониманию, как заемщик может преодолевать негативные последствия кредитных выплат и связанных сложностей экономическими путями, не переводя проблему в политическое поле (недовольство властями, протестные настроения и открытая оппозиционная политическая активность). Отдельные исследователи выделяют три основных стратегии кредитно-долгового поведения: «активные потребители», часто пользующиеся кредитными услугами, оценивающие свои риски и погашающие долги в срок; «кредитоманы», не способные объективно оценивать свои возможности, злоупотребляющие новыми кредитами для погашения старых и зачастую не соблюдающие свои обязательства; «консервативные потребители», пользующиеся банковскими займами только в исключительных случаях и стремящиеся погасить свои долги как можно скорее [Мужичкова 2015: 38].

Другие исследователи приводят широкую классификацию моделей в зависимости от соотношения установок кредитно-долгового и сберегательного поведения россиян, выделяя 6 кластеров респондентов: «вынужденные потребители», «активные сберегатели», «осторожные сберегатели», «осторожные заемщики», «активные заемщики», «активные потребители». При этом установки

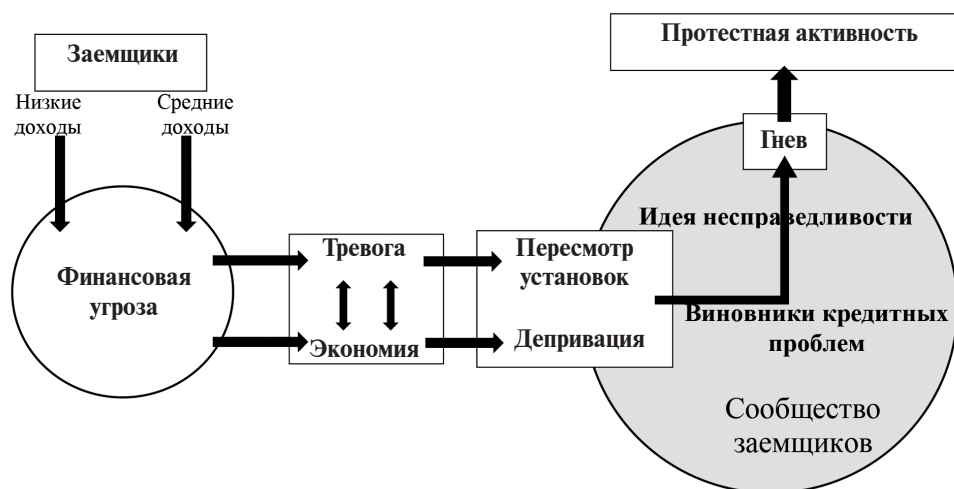
кредитного, долгового и сберегательного поведения (а значит, и кластеры) коррелируют с материальным положением россиян и ожиданиями относительно него. Так, первые два типа граждан мало склонны к риску и, следовательно, обращению к кредитам, поскольку вовсе или практически не имеют «подушки безопасности» в виде накоплений. Противоположные финансовые возможности и легкость в принятии решений о кредитах и долгах демонстрируют два последних кластера [Стребков 2004: 119-121]. Исследователи рассматривали и другие значимые вопросы, предметно раскрывающие группу кредитных заемщиков, например, некоторые аспекты потребительского и иных типов экономического поведения кредитных заемщиков [Ниворожкина 2016; Тихонов 2019], а также социально-демографический портрет российского заемщика [Молоканова 2020].

С точки зрения материального благополучия граждан и его отражения на политических настроениях в обществе следует отметить исследования, рассматривающие модели поведения в ситуации финансовой угрозы (*financial threat*), определяемой эмоциональным состоянием пугающе-тревожной неопределенности в отношении текущего и/или будущего финансового положения человека, его семьи (например, при задержке зарплаты, нехватке средств на выплату долга и т.п.). В этих условиях, как подтверждает эмпирическое исследование, человеку свойственно искать пути преодоления финансовой угрозы через стремление увеличить доходы, снизить расходы и уменьшить уровень долга, а также поиск дополнительной работы [Fiksenbaum, Marjanovic, Greenglass 2017]. Однако остается вопрос, насколько стремление преодолеть финансовую угрозу само становится фактором стресса и роста недовольства, особенно когда единственной возможностью для сокращения расходов и концентрации средств для выплаты долгов становится экономия на потреблении, к которой обычно прибегают домохозяйства в случае ожиданий долгосрочного снижения и нехватки доходов [Katona 1975]. Представление о политических последствиях таких решений может дать теория относительной депривации [Gurr 1970].

Авторское оригинальное исследование 2020 г. показало наличие положительно значимой связи между ожиданиями трудностей с выплатой кредитов московскими заемщиками и их готовностью к разным формам протестной политической активности. При этом важное место в объяснительной модели такого результата занимают, во-первых, преимущественно консервативная модель кредитного поведения (72% опрошенных связывали кредит с риском «закабаления», признавая свою ответственность за взятые обязательства), а во-вторых, прямая зависимость между ожиданием кредитных трудностей и стремлением возложить ответственность за взятые кредиты на банки и государство. Заемщики, встречающие ту самую финансовую угрозу, критичнее относятся к кредиту и чаще пытаются обвинить в связанных с ним проблемах других: кредиторов и государственные власти. Вероятно, это является значимой составляющей перехода недовольства своим положением в готовность к протестной политической активности [Novikov, Kozlov 2020].

Центральной проблемой, в которую можно объединить все упоминавшиеся вариации негативных эмоций, является финансовая угроза, связанная с неуверенностью в способности погасить свои долги. Наиболее остро эта угроза стоит перед заемщиками со средними и низкими доходами, которые менее склонны к риску, а кредиты для них чаще являются вынужденным средством для покрытия дефицита текущих доходов. Данная угроза вызывает в этих слоях заемщиков тревогу, которая сама по себе не ведет к политической активности, однако открывает окно возможностей для поиска информации и пересмотра заемщиком своих установок, в т.ч. политических.

Вместе с этим для людей со средними и более низкими доходами стремление преодолеть финансовую угрозу наиболее часто реализуется в стратегии экономии. Лишения, образующие разрыв между желаемым состоянием – привычным уровнем потребления – и реальностью, особенно для среднего класса, открывают путь росту недовольства и поиску «виновных». Этот феномен известен как относительная депривация, жаждающая на идее несправедливости настоящего порядка, который нужно исправить. Восприятие своих кредитов как вынужденных дает моральные основания в когнитивном поле переложить ответственность за свои обязательства на «виновных»: государство и банки. Тревожность и состояние неустойчивости прежних установок являются отличной почвой для усвоения знания о новом «враге» – виновниках кредитных проблем, против которых направляется возникающая эмоция гнева. При должной сетевой организации заемщиков идеи несправедливости получают распространение, после чего протестный потенциал такого движения реализуется. В противном случае тревожно-агрессивный эмоциональный фон, сопровождающий заемщика, найдет воплощение в каких-либо индивидуальных действиях, иногда напрямую грозящих его психофизическому здоровью (см. рис. 3).

Источник: составлено авторами

Рисунок 3. Аналоговая модель воздействия кредитной нагрузки на политическое поведение граждан

Таким образом, в динамическую модель политического поведения разных групп кредитных заемщиков должны входить такие переменные, как уровень кредитной нагрузки, доминирующая стратегия кредитного поведения, материальные и психологические последствия кредитных выплат, объективно и субъективно оцениваемое финансовое благополучие, социально-демографические характеристики. Соотношение уровня благосостояния и объема кредитного бремени граждан, психологическое восприятие кредитных обязательств формируют предпосылки для политического действия. В частности, политические реакции обусловлены тревожным эмоциональным состоянием заемщика, ухудшением его текущего финансового положения и возможностей в будущем погасить кредит.

Однако представленный подход не является исчерпывающим. Помимо

индивидуальных стимулов для политической активности или трансформации политических установок, существуют иные предикторы, например групповая солидарность заемщиков, разделяющих общее беспокойство, или вызревшее в ходе сетевой коммуникации коллективное стремление добиться изменения законодательства в области кредитования, или весьма сложная в изучении социальная напряженность, ожидающая триггера для проявления деструктивной активности граждан. Массовое вовлечение граждан в пространство цифровых коммуникаций создало возможности для формирования сетевых сообществ заемщиков и информационных потоков по кредитной тематике в социальных медиа.

Для выработки полной картины взаимозависимости кредитно-долговых обязательств и политического поведения в следующих работах необходимо обратиться к исследованию аспектов политизации института кредитования, самоорганизации сообществ и общественных движений заемщиков. Теоретическое обоснование модели воздействия кредитной нагрузки на политическое поведение граждан открывает возможность построения системы индикаторов радикализации ситуации. Кроме статистических и социологических показателей общественных настроений, на финансовом рынке кредитования появилась возможность использования методов киберметрии и социомедийной аналитики для более оперативного реагирования на динамику изменений политических установок заемщиков.

Список литературы

Баринов А.С. 2018. «Закредитованность» населения России в контексте угроз экономической безопасности. — *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. Т. 14. № 7. С. 1270-1286.

Голиков Н.А., Голиков И.Н., Юманова Н.Н. 2016. Долговая нагрузка населения и риск суицидального поведения: есть ли связь? (Часть I. Федеральный уровень). — *Суицидология*. Т. 7. № 4(25). С. 72-83.

Козлов Н.А. 2020. Политические риски динамики потребительского кредитования в России (анализ общефедеральных статистических показателей). — *Самоуправление*. № 3(120). С. 51-57.

Молоканова Ю.С. 2020. Статистический портрет домохозяйств с высокой кредитной нагрузкой. — *Статистика в современном мире: методы, модели, инструменты*: материалы международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: АзовПринт.

Мужичкова Ю.Е. 2015. Психология обыденных представлений о долгах и кредитах. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 4(20). С. 37-44.

Ниворожкина Л.И. 2016. Воздействие кредитования на потребление домашних хозяйств: экономико-статистическое исследование. — *Вопросы статистики*. № 1. С. 47-53.

Ниворожкина Л.И., Торопова Т.В., Трегубова А.А., Баташев Р.В. 2017. *Кредитное поведение российских домохозяйств на различных этапах макроэкономических циклов*: монография. Ростов н/Д: ИПК РГЭУ (РИНХ). 128 с.

Разов П.В., Штепа С.Е. 2019. Социальные риски потребительского кредитования студенческой молодежи. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 9(4). С. 106-110.

Социология пандемии. Проект коронаФОМ. 2021. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ). 319 с.

Стребков Д.О. 2004. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России. — *Вопросы экономики*. № 2. С. 109-128.

- Тихонов А.А. 2019. Динамика финансового и потребительского поведения россиян в 2003–2018 гг. — *Journal of Institutional Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 153-169.
- Brader T. 2005. Striking a Responsive Chord: How Political Ads Motivate and Persuade Voters by Appealing to Emotions. — *American Journal of Political Science*. Vol. 49. No. 2. P. 388-405.
- Bridges S., Disney R. 2010. Debt and Depression. — *Journal of Health Economics*. Vol. 29. No. 3. P. 388-403.
- Fiksenbaum L., Marjanovic Z., Greenglass E. 2017. Financial Threat and Individuals' Willingness to Change Financial Behavior. — *Review of Behavioral Finance*. Vol. 9. No. 2. P. 128-147.
- Gurr T. 1970. *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press.
- Hodson R., Dwyer R.E., Neilson L.A. 2014. Credit Card Blues: The Middle Class and the Hidden Costs of Easy Credit. — *The Sociological Quarterly*. Vol. 55. No. 2. P. 315-340.
- Huddy L., Feldman S., Cassese E. 2007. On the Distinct Political Effect of Anxiety and Anger. — *The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior* (ed. by G.E. Marcus, W.R. Neuman, M. MacKuen). Chicago: The University of Chicago Press.
- Katona G. 1975. *Psychological Economics*. N.Y.: Elsevier Scientific Publishing Company.
- Meltzer H. 2011. Personal Debt and Suicidal Ideation. — *Psychological Medicine*. Vol. 42. P. 771-778.
- Mian A., Sufi A. 2018. Finance and Business Cycles: The Credit-Driven Household Demand Channel. — *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 32. No. 3. P. 31-58.
- Novikov O.G., Kozlov N. 2020. Growing Household Credit Load through the Prism of Social Perception, Credit and Political Attitudes of Russians. — *Review of Business and Economics Studies*. Vol. 8. No. 4. P. 19-32.
- Pickard S., Bessant J. 2018. France's #Nuit Debut Social Movement: Young People Rising up and Moral Emotions. — *Societies*. Vol. 8. No. 4.
- Starrin B., Åslund C., Nilsson K.W. 2009. Financial Stress, Shaming Experiences and Psychosocial Ill-Health. — *Social Indicators Research*. Vol. 91. P. 283-298.
- Sweet E., Kuzawa C.W., McDade T.W. 2018. Short-term Lending: Payday Loans as Risk Factors for Anxiety, Inflammation and Poor Health. — *SSM – Population Health*. No. 5. P. 114-121.
- Valentino N.A., Brader T., Groenendyk E.W., Gregorowicz K., Hutchings V.L. 2011. Election Night's Alright for Fighting: The Role of Emotions in Political Participation. — *The Journal of Politics*. Vol. 73. No. 1. P. 156-170.
- van Stekelenburg J., Klandermans B. 2017. Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. — *Handbook of Social Movements across Disciplines* (ed. by C. Roggeband, B. Klandermans). Springer, Cham.
- van Zomeren M., Spears R., Fischer A.H., Leach C.W. 2004. Put Your Money Where Your Mouth Is! Explaining Collective Action Tendencies through Group-Based Anger and Group Efficacy. — *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 87. No. 5. P. 649-664.
- Wahl-Jorgensen K. 2018. Towards a Typology of Mediated Anger: Routine Coverage of Protest and Political Emotion. — *International Journal of Communication*. No. 12. P. 2071-2087.
- Witte C.T., Burger M.J., Ianchovichina E. 2020. Subjective Well-Being and Peaceful Uprisings. — *KYKLOS*. Vol. 73. No. 1. P. 120-158.

PARMA Roman Vasil'evich, *Cand.Sci (Pol.Sci.)*, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; r.parma@mail.ru)

KOZLOV Nikita Aleksandrovich, 3rd year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; kozlovn_54@mail.ru)

BUILDING A MODEL OF THE IMPACT OF CREDIT LOAD ON THE POLITICAL BEHAVIOR OF RUSSIAN CITIZENS

Abstract. This article examines the impact of credit obligations of citizens on their cognitive attitudes and political behavior. Based on the statistics of the Central Bank of the Russian Federation, the cyclical nature of the development of the retail lending market is determined, which leads to a periodic increase in the risks of destabilizing the political situation. By analyzing the results of scientific research, the authors show how difficulties in paying off credit debt can provoke a state of stress, emotions of anxiety and anger, form pessimistic attitudes about the future, and cause political manifestations of discontent and protest. The article defines the main variables of the dynamic model of the relationship between the credit load and the political behavior of citizens.

Keywords: credit load, debt burden of citizens, financial borrowers, political behavior, cognitive attitudes, emotions of individuals, protest moods

УДК 327.8

КУРАС Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, kuraslv@yandex.ru)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПИСЬМА И ПРОГРАММЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ 100-ЛЕТИЮ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 г.: ОТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ

Аннотация. В последнее десятилетие понятие «мягкая сила» стало действенным инструментом во внешней политике, экономике и особенно в образовании и науке, идеологии, культуре и образе жизни. Используя информационные письма научных и учебных учреждений о проведении юбилейных научных конференций, посвященных 100-летию Монгольской революции 1921 г., мы рассмотрим их как действенный инструмент «мягкой силы» России по отношению к Монголии и Монголии по отношению к России, способствующий переходу к стратегическому партнерству.

Ключевые слова: Россия, Монголия, «мягкая сила», информационные письма, стратегическое партнерство

В последнее десятилетие концепция и само понятие «мягкая сила» (*soft power*) стала важнейшей составляющей современных международных отношений.